

В. А. Мельник

**КАРЛСОН, КОТОРЫЙ ЖИВЕТ НА КРЫШЕ:
СРАВНЕНИЕ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА В ОРИГИНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ
НА ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ И В ПЕРЕВОДЕ НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

Карлсон – центральный персонаж в трилогии шведской писательницы А. Линдгрэн о Малыше и Карлсоне, который получил большую популярность не только в Швеции, но и в странах бывшего Советского Союза. Однако анализ существующих работ, описывающих данного персонажа, показывает, что достаточно глубоко ранее он не изучался. В большинстве таких работ Карлсон рассматривается лишь как продукт воображения Малыша.

Примером может послужить исследование Е. А. Цуканова (Е. А. Цуканов, 2019). В своей статье Е. А. Цуканов рассматривает взаимодействие Малыша и Карлсона как «девиантную автокоммуникацию» (т.е. общение Малыша с самим собой), что внешне выражается в виртуальных взаимодействиях с господином «в полном расцвете сил», имеющим «чрезвычайно подозрительный

образ». В поддержку своей теории о том, что Карлсон на самом деле не существует, он приводит тот аргумент, что родители Малыша так ни разу и не встретились с Карлсоном.

К. Стремдаль (K. Strömdahl, 1994) рассматривает Карлсона в образе трикстера. В мифологии трикстер – это высокоинтеллектуальный персонаж, который не подчиняется и бросает вызов общепринятым устоям. К. Стремдаль считает, что Малыш безгранично восхищается Карлсоном, так как тот в грубо нарушает установленные взрослыми правила. К. Стремдаль также придерживается мнения, что Карлсон – лишь плод воображения Малыша, созданный Малышом как проявление своих тайных, детских желаний и как освобождение от гнета взрослых.

В отличие от вышеупомянутых теорий о природе персонажа Карлсон, которые рассматривают его в единстве с Малышом, Г. Фишер в своем исследовании рассматривает Карлсона как отдельного взрослого персонажа (G. Fischer, 2019). Она подчеркивает, что в трилогии о Малыше Карлсоне немаловажную роль играет возраст. Карлсон считает себя «мужчиной в самом расцвете сил» и не хочет, чтобы Малыш вырос, что, по всей видимости, связано с тем, что Карлсон хочет сохранить свою «взрослую» позицию, что дает ему больше власти и возможностей контролировать Малыша.

Стоит отметить, что персонаж Карлсон совершенно по-разному воспринимается в шведской и русскоязычной культурах. Дети стран постсоветского пространства положительно относятся к этому персонажу, в то время как в Швеции отношение к нему совершенно противоположно. Известно, что сами шведы видят Карлсона эгоистичным, грубым, самовлюбленным и черствым персонажем, а отношения Малыша и Карлсона толкуются как отношения жертвы и хулигана. Однако русскоговорящие читатели привыкли считать Карлсона лишь озорным и добрым другом Малыша.

В своей статье С. И. Грищенко (С. И. Грищенко, 2020) выдвигает предположение о том, что такое различие может быть обусловлено расхождениями в оригинальном тексте произведения и его переводе на русский язык. Автор подчеркивает, что, вероятно, этому поспособствовал автор первого перевода произведения на русский язык Л. Лунгина. С. И. Грищенко отмечает, что в своем переводе она использовала приемы, которые облегчили восприятие текста для детей: смягчала и перефразировала отрицательные описания или совсем исключала некоторые из них. За это Л. Лунгину до сих пор упрекают в неточности перевода и, как следствие, в неверном представлении образа Карлсона.

Чтобы выяснить, чем могла быть вызвана такая разница в восприятии персонажа Карлсон в шведской и белорусской культурах мы и провели наше исследование.

Нами самостоятельно был создан параллельный корпус текстов, материалом для которого послужили первые 3 главы первой части трилогии о Малыше и Карлсоне под названием «Малыш и Карлсон, который живет на крыше» в оригинале и в переводе на белорусский язык. Мы также разработали

собственную систему семантических тегов, состоящую из 16 тегов, обозначающих характеристики персонажа, и 5 тегов, обозначающих способы выражения характеристик персонажа. При помощи данных тегов мы разметили наши параллельные тексты. Каждый фрагмент, содержащий выделенные нами характеристики персонажа, в обоих текстах выделяется двумя открывающими и двумя закрывающими тегами: тег-характеристика персонажа и тег-способ выражения характеристики.

Так, в тексте было выделено множество фрагментов из прямой речи Карлсона, которые иллюстрируют его разного рода физические способности: *världens bästa konstflygare* ‘наилепшы ў свеце лятун’; *världens bästa ångmaskinsskötare* ‘наилепшы ў свеце запускарнік паравых машын’; *världens bästa motorskötare* ‘наилепшы ў свеце змазвальнік матораў’; и т. д. Мы видим, что в шведском тексте А. Линдгрэн использует довольно длинные и сложные для детского восприятия слова (*konstflygare*; *ångmaskinsskötare*; *motorskötare*), которые можно считать окказионализмами (авторскими неологизмами), в то время как в своем переводе автор перефразирует данные слова, объясняя их значение более простым и понятным для детей языком (‘лятун’; ‘запускарнік паравых машын’; ‘змазвальнік матораў’).

О пристрастиях Карлсона говорит фрагмент *Små goda köttbullar tycker jag myske' om* ‘Маленькія смачненькія катлеткі я дужа люблю’. В данных примерах мы видим, что фраза *små goda köttbullar* переводится как ‘маленькія смачненькія катлеткі’, что снова указывает на попытку переводчика сделать Карлсона более понятным для детей персонажем с помощью использования уменьшительно-ласкательных суффиксов.

К гендерной принадлежности персонажа мы отнесли фрагменты *herre* ‘спадар’; *farbror* ‘дзядзечка’; *en man* ‘мужчына’ и др. В белорусском переводе снова употребляется существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом ‘дзядзечка’, что является некоторым отклонением от оригинального текста (*farbror* ‘дядя’, дословно – ‘брат отца’) с целью представить Карлсона как более доброго и приветливого персонажа, а также соотносится с тем, как маленькие дети обычно говорят о малоизвестных мужчинах.

Также часто уменьшительно-ласкательные суффиксы присутствуют и при переводе шведского существительного *hus*: *kan det väl inte vara så trevligt att bo alldeles ensam i ett hus utan att någon har en aning om det* ‘жыць на самоце ў дамку, дзе пра цябе ніхто не ведае, бадай, не надта весела’; *bor i ett särskilt litet hus uppe på taket* ‘жыў у малюпасенькім дамочку на даху’.

Во фрагменте *kretsade runt omkring taklampan* ‘пачаў лятаць вакол люстры’ шведское слово *kretsade* в своем значении не имеет указаний на движения, связанные с полетом и означает ‘кружить, кружиться’, однако в переводе на белорусский язык мы видим, что автор выбрал глагол ‘лятаць’. Еще один подобный пример: *Han har gett sig iväg...* ‘Паляцеў!’. В шведском тексте данный фрагмент не содержит указаний на то, что Карлсон улетел (перевод будет, скорее, звучать как ‘ушел’ или ‘удалился’).

Кроме того, в белорусском переводе, в отличие от оригинала, наблюдается более широкое использование восклицаний в речи Карлсона, в результате чего данные высказывания в оригинальном тексте воспринимаются как более серьезные, а Карлсон кажется менее дружелюбным: *Delikat* 'Смаката!'; *Den har exploderat* 'Выбухнула!'; *Kanske* 'Мабыць!'; *Bra* 'Добра!'.

Таким образом, в ходе проведенного исследования мы выяснили, что переводчик активно использует уменьшительно-ласкательные суффиксы и перефразирует сложные для детей слова шведского языка. Кроме того, в белорусском переводе наблюдается более широкое использование восклицаний в речи Карлсона, в результате чего Карлсон предстает как более добрый, «живой» и приветливый персонаж. Более частотное употребление в переводе глаголов со значением полета также призвано заинтересовать ребенка и привлечь его внимание к образу Карлсона.